

Е.А. Салиас

**Собрание сочинений графа Е.
А. Салиаса**

**Том 1. Искра Божья. Тьма.
Манжажа. Еврейка. Волга.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.А. Салиас**
Собрание сочинений графа Е. А. Салиаса: Том 1. Искра Божья. Тьма. Манжа-
жа. Еврейка. Волга. / Е.А. Салиас – М.: Книга по Требованию, 2014. – 484 с.

ISBN 978-5-458-52665-4

ISBN 978-5-458-52665-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

ловно за прозрачной завѣсой, скрывается отъ глазъ моихъ дѣтство. Въ самой дали все сливается въ одну общую, свѣтлую массу и все странно, непонятно тамъ. Но вотъ ближе выступаютъ ясно сѣдые усища и вѣчно добрая подъ ними улыбка. Усища топырятся и колются, но я ихъ не боюсь и люблю. Ясно виднѣется маленькій стульчикъ съ красной подушкой и пятномъ на правой ручкѣ. Я все чищу пятно и узнаю, наконецъ, что это сучокъ. Третье, наполняющее мою жизнь этого времени — большущій, громадный барабанъ вершка въ три.

Ближе и отчетливѣе является взору домъ съ терассой безъ периль и садъ съ прудомъ. Мнѣ извѣстно, что цыганки крадутъ и увозятъ всѣхъ дѣтей, которыя выходятъ на терассу одни, безъ няни или безъ дѣда. Скверная терасса! У береговъ пруда живутъ лягушки и больно кусаютъ тѣхъ, кто бѣгаетъ одинъ около воды. Скверный прудъ! За садомъ темный лѣсъ. Въ немъ живетъ *онъ*, который не любитъ, когда дѣти плачутъ и капризничаютъ; какъ только услышитъ, сейчасъ прибѣжитъ и спрашиваетъ: — «Кто это у васъ капризничаетъ? Дайте его ко мнѣ въ темный лѣсъ». Няня всегда обманываетъ его, говорить: «у насъ никто не плакалъ, это вѣрно на селѣ ребятишки... Туда подите».

Еще ближе въ памяти моей — тотъ же домъ. Я живу въ немъ вдвоемъ съ старикомъ-дѣдомъ. На терассѣ новыя пе-

рила и потому нѣтъ болѣе воровокъ цыганокъ, и я гуляю по ней, когда хочу. На пруду есть лягушки и всѣ пресмѣшно кричатъ, когда солнце садеть, но не кусаются, и я въ волю катаюсь по немъ въ лодкѣ. За садомъ густой тѣнистый лѣсъ, но *его* больше нѣтъ въ немъ, и я ѣзжу и кожу туда, собираю грибы и землянику.

Мы живемъ безвыѣздно въ деревнѣ; но говорятъ, что есть на свѣтѣ другія большія деревни, которыя называются городами. Въ нихъ дома все большіе и каменные, народу видимо-невидимо, все больше господа. Слободы въ нихъ длинныя, предлинныя, на нѣсколько верстъ и называются улицами. Церквей—тъма и все разныя. Хочется мнѣ туда, но няня вдругъ говорить, что тамъ нельзя бѣгать, нельзя выходить изъ дому безъ картуза, нельзя собирать грибовъ, потому что они тамъ не растутъ. Я въ ужасѣ—и клянусь никогда не заглядывать въ города.

— Да какъ же тамъ могутъ жить люди? вопрошаю я. Жаль мнѣ этихъ бѣдняковъ-горожанъ, и, ни слова не сказавъ никому, я усердно молюсь за нихъ Богу, чтобы имъ стало повольнѣе жить на свѣтѣ.

Но вотъ внимательнѣе оглядываюсь я кругомъ и узнаю, что еще полугодовымъ остался на рукахъ дѣда. Мать умерла. Отецъ уѣхалъ на войну и убитъ тамъ. Жизнь течетъ ровно, тихо.

Только разъ случилось странное. Въ одно воскресенье не служатъ обѣдни, потому что отецъ Никифоръ наканунѣ умеръ. Темной, пугающей сердце загадкой коснулось меня это слово.

Скоро переломъ во всемъ. Мнѣ двѣнадцать лѣтъ. Няни болѣе нѣту, и все большая свобода предоставляется мнѣ. Весь день провожу я на волѣ, гдѣ и какъ хочу: лѣтомъ верхомъ, въ телѣжкѣ, въ лѣсу, зимой—на ледяной горѣ на салазкахъ, въ саняхъ на парѣ саврасокъ, самъ правлю и, часто вылетая изъ саней внизъ головой въ сугробы, бодро ворочаюсь домой пѣшкомъ, по милости ускакавшихъ саврасокъ. Вечеръ проводится или у столярнаго станка, гдѣ я дѣлаю дѣду скамеечки подъ ноги и разныя другія вещи, или усаживаюсь съ нимъ въ уголку его кабинета, и здѣсь онъ рассказываетъ мнѣ правду (имя это дано въ отличіе отъ прежнихъ росказней няни). Въ этой правдѣ говорится о многомъ: и о землѣ, и о небѣ, и о числахъ, и о человѣкѣ, и о томъ,

что было съ людьми разныхъ странъ, жившихъ прежде насъ. Разъ я узнаю, что обо всемъ этомъ говорится въ книгахъ, и страстно принимаюсь за чтеніе.

Слово: наказаніе—мнѣ незнакомо. Послѣ проступка дѣдъ призываетъ меня и говоритъ:

— Ну, потолкуемъ, Воля, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

Мы толкуемъ. Я узнаю, что поступилъ дурно, знаю, почему поступокъ дурень, и избѣгаю вторичной ошибки. Когда же я повторяю еще то же самое, то дѣдъ холоденъ и вѣжливъ со мной.

— Да-съ! Нѣтъ-съ! Владиміръ Владиміровичъ! отвѣчаетъ онъ.

Разказы *правды* прекращаются. Когда я ухожу спать, то вмѣсто поцѣлуя получаю утонченно вѣжливый поклонъ и фразу:

— Прощайте, Владиміръ Владиміровичъ.

И долго, долго я не могу заснуть, обливая подушку слезами...

Такъ жили мы до тѣхъ поръ, пока мнѣ не минуло пятнадцать лѣтъ. Тогда мы переѣхали почему-то въ губернской городъ, но и здѣсь, несмотря на обширное знакомство дѣда, я не зналъ и не видалъ никого, былъ нелюдимъ, ни съ кѣмъ не знакомился и проводилъ время дома и въ саду, предпочитая знакомымъ—березы и липы, а ихъ разговорамъ— шумъ листьевъ, пѣнье птицъ и книги.

Черезъ два года здоровье мое разстроилось, и доктора посовѣтовали морскія ванны. Мы поднялись и двинулись—чуть не чрезъ всю матушку Россію—въ Крымъ.

II.

Въ сумасшедшій восторгъ пришелъ я, когда мы очутились на южномъ берегу. Горы, море, дивная, роскошная природа, полудикій край, полудикіе татары. Чѣмъ-то новымъ, чуднымъ повѣяло на меня отовсюду: и отъ макушки Яйлы, подпирающей небо, и отъ далеко-раздвинувшейся лазури моря.

Тутъ было гдѣ разгуляться моему горячему нраву!

— Здѣсь вольно! вольно! воскликнулъ я въ опьянѣніи.

— Что Волъ и нужно! острилъ мой старикъ-дѣдъ, счастливый моей радостью.

Мы наняли маленькую дачу на берегу моря.

Вскорѣ послѣ нашего поселенія, занятія мои прекратились совершенно. Несмотря на семнадцать лѣтъ, я началъ жить самую ребяческую жизнью.

Время проходило весело, беззаботно. Мнѣ не хватало его на разнообразныя затѣи.

День мой начинался въ пять, шесть часовъ утра и, кончаясь въ полночь, проводился въ окрестностяхъ. Я или сидѣлъ по цѣлымъ днямъ съ татарами сосѣднихъ деревень, обѣдая и ужиная у ихъ очаговъ, или оставался на весь день въ горахъ и лѣсахъ, утоляя голодь и жажду плодами безчисленныхъ фруктовыхъ садовъ. Я близко сѣшелся съ татарами и даже принялъ нѣкоторые ихъ обычаи; такъ, носилъ постоянно за поясомъ татарскій ножъ.

Одно изъ любимѣйшихъ моихъ мѣстъ была небольшая гора неподалеку отъ дачи, гдѣ паслись полудикіе, неѣзженныя ослы и лошаки, повидимому брошенные и забытые владѣльцами. Поймаешь, обыкновенно, одного изъ нихъ, съ помощью всякихъ хитростей вскочишь на него и понесешься *прямо* во весь духъ безъ сѣдла и узды, только сердце замираетъ при каждомъ мѣствѣ, гдѣ замѣтишь особенное удобство сломать себѣ шею. Полдень всегда посвящался походамъ на змѣй, выползающихъ обыкновенно изъ своихъ норъ, чтобы подремать, свернувшись кольцомъ, и погрѣться на полдневномъ солнцѣ. Соберешь толпу вѣчно свободныхъ татарчатъ, оцѣпишь со всѣхъ сторонъ какую-нибудь старую развалину или чаще густой лугъ съ кустарникомъ, и, набравъ въ мѣшки большихъ камней, стремглавъ бросишься по командѣ на приступъ. И вотъ, потрясаютъ воздухъ дикіе, яростныя вопли, свистить рядъ камней, хруститъ кустарникъ, скользять, шипять и вьются подъ ногами разъяренныя змѣи и, свиваясь въ кольца, замираютъ подъ ударами. Не пройдетъ десяти минутъ, и картина мѣняется. Лоскомъ лежитъ прежде высокій лугъ; издыхаютъ десятки разныхъ змѣй, растянувшихся тамъ и сямъ, а посреди нихъ гордо возсѣдаетъ побѣдоносная шайка, покрытая пылью и потомъ. Каждый поочереди рассказываетъ о своемъ подвигѣ, о томъ, какъ грѣлась на солнцѣ змѣя, какъ проснулась, развилась и какъ нагналъ ее ударъ. Еще нѣсколько минутъ — и поле битвы опустѣло. Буйная шайка давно уже несется вихремъ къ морю, останавливается на прибрежныхъ камняхъ, въ нѣсколько секундъ раздѣвается и разомъ кидается въ воду.

Въ сумерки и вечеромъ, собравъ ту же толпу татарчатъ, я отправлялся въ горы, въ самую чашу лѣсовъ, освобождать зайцевъ и барсуковъ изъ разставленныхъ сосѣдними охотниками капкановъ.

Эта забава была опаснѣе походовъ на змѣй, а потому занимательнѣе и повторялась чаще другихъ. Во-первыхъ, спасаемый барсукъ часто награждалъ избавителя своими острыми зубами; во-вторыхъ, охотники встрѣчали благородныхъ рыцарей палками и розгами, отъ которыхъ не спасеть и имя *паньча*. Часто *паньчз* (т. е. я) убѣгалъ во всю прыть отъ владѣтеля спасеннаго животнаго и летѣлъ, перескакивая съ камня на камень, не хуже дикой козы.

Такимъ именно образомъ я приобрѣлъ себѣ и друга. Наше знакомство было оригинально. Однажды въ праздникъ, не найдя на деревнѣ татарчатъ, я отправился ихъ искать и, блуждая по горамъ, зашелъ довольно далеко отъ дома. Вступивъ въ небольшой лѣсъ, на склонѣ Астель-горы, я вдругъ наткнулся на маленькаго зайчика, который бился въ капканѣ съ раздробленной ногой. Не долго думая, я высвободилъ его изъ клещей и хотѣлъ нести домой. Я уже съ удовольствіемъ мечталъ о томъ, какъ вылѣчу его и потомъ снова выпущу на волю. Громовой голосъ прервалъ мои мечтанья. Я оглянулся. За мной какъ-бы выросъ изъ земли высокій, плотный человѣкъ въ русскомъ кафтанѣ. Его маленькіе сѣрые глазки блестѣли ярко.

Я отпрыгнулъ и, бросивъ зайченка, хотѣлъ бѣжать, но на этотъ разъ мнѣ было суждено поплатиться. Онъ какъ молнія бросился на меня и чрезъ секунду я былъ въ его мускулистыхъ рукахъ.

— Постой! погоди! я тебя отучу промышлять чужимъ добромъ! кричалъ онъ, потрясая меня за поясъ одной рукой, а другой ломая здоровыя вѣтви съ сосѣднаго дерева для экзекуціи. Чувствуя, что попалъ на крюкъ какой-то живой машины, — я сильно смутился; но слыша его угрозы и видя, что онъ сейчасъ будутъ приведены въ исполненіе, — я вспыхнулъ и на меня нашелъ припадокъ отчаяннаго бѣшенства. Я рванулся изъ всѣхъ силъ. Поясъ лопнулъ, и я полетѣлъ на землю, но онъ тотчасъ же снова поймалъ меня за воротъ блузы и сильно ударилъ поясомъ, оставшимся въ его рукахъ. Отъ стыда и злости голова моя совершенно помутилась. Я схватилъ бывшій при мнѣ татарскій ножъ, взмахнулъ имъ

и до половины воткнулъ въ плечо моего противника. Кровь хлынула ручьемъ. Онъ вскрикнулъ и ударомъ отшвырнулъ меня отъ себя. Я обезпамятѣлъ; когда же пришелъ въ себя, то лежалъ на высокой постели въ татарской хатѣ. Молодая татарка, окруженная нѣсколькими визжавшими ребятишками, мочила мнѣ голову водой. Отъ нея узналъ я, что Степанъ, управляющій сосѣдней дачей по имени Тегерджи, притащилъ меня за полчаса назадъ и велѣлъ мочить голову, а потомъ накормить, обѣщая щедро заплатить за все.

Этотъ поступокъ со мной сразу расположилъ меня въ пользу этого человѣка, и на другой день я отправился къ нему съ извиненіями. Онъ, къ удивленію, съ радостію встрѣтилъ меня, положилъ здоровую руку мнѣ на плечо и произнесъ весело:

— Молодецъ! люблю такихъ! Недолго думалъ, шарахнулъ ножищемъ—и готово!

И онъ принялся меня угощать всѣмъ, что только было у него, а потомъ заставилъ принять въ подарокъ небольшой коверъ изъ козьихъ шкуръ.

Мы заключили съ нимъ договоръ, по которому мнѣ за прещалось освобождать что бы то ни было изъ отмѣченныхъ вѣткой капкановъ, а ему рассказывать о моемъ зломъ ударѣ.

Разстались мы тогда совершенными друзьями и стали видаться безпрестанно.

Вскорѣ я даже совершенно промѣнялъ татарчатъ на этого злостно пріобрѣтеннаго друга. Его звали Степаномъ, ему было 24 года. Онъ славился всюду своей богатырской силой, честностію и необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Онъ былъ очень богомоленъ и каждое воскресенье отправлялся за нѣсколько верстъ въ русскую церковь, гдѣ исправлялъ должность пѣвчаго. Когда не было никакого дѣла на дачѣ, онъ превращался въ охотника или въ рыбака и всегда ворочался съ добычей, потому что стрѣлялъ отлично и зналъ всѣ секреты рыбной ловли. По праздникамъ и воскресеньямъ, воротясь отъ обѣдни, онъ не принимался ни за что, считая въ этотъ день всякую работу—грѣхомъ, а проводилъ его въ прогулкахъ, чаще же всего—въ татарской деревнѣ. Здѣсь онъ немедленно былъ окружаемъ татарчатами, которые обожали его, и тутъ проводилъ цѣлые часы въ играхъ и въ дракѣ съ цѣлой толпой бритыхъ ребятишекъ. Смѣшно было смотрѣть на него въ эти минуты. Точно медвѣдь въ борьбѣ съ

пчельникомъ. Иногда послѣ всякаго рода затѣй онъ сажалъ цѣлую гурьбу, человекъ въ 30-ть, въ большую лодку, чуть не корабль, и каталъ по заливу, заставляя пѣть разныя пѣсни.

Всѣ въ сосѣдствѣ любили его; ни одинъ домашній татарскій праздникъ, ни одна свадьба не обходились безъ Степана, хотя онъ никогда не принималъ участія въ пляскахъ или играхъ съ большими, а всегда отправлялся въ компанію малолѣтнихъ.

Татаръ онъ иначе не называлъ, какъ собаками и нехристями, но все-таки любилъ ихъ.

— Собаки, а славный народъ! говорилъ онъ.

Но на глубинѣ души этого человека была своя кручина, былъ свой внутренній, нерадостный мірокъ, въ который онъ не давалъ никому заглядывать.

Часто видали Степана задумчиво и неподвижно стоящаго надъ прерванной работой съ далеко улетѣвшей мыслию.

Если случалось, что кто нибудь спрашивалъ его: что съ тобой?

— Сгрустнулось! отвѣчалъ онъ всегда лаконически.

Но у этого вполне славнаго малаго былъ недостатокъ.

Разъ пять въ году Степанъ запивалъ и пилъ уже запоемъ три, четыре дня. Тогда онъ уже не являлся домой (этого никто не запомнить), а уходилъ верстъ за двадцать и всѣмъ, кто попадался навстрѣчу, кричалъ еще издали:

— Пьянь! Ну, подальше!

Въ это время предупреждали другъ друга, что Степанъ *ходитъ*. Всѣ помнили, какъ однажды зашелъ онъ пьяный въ сосѣднюю деревню и за вопросъ, кто больше: Николай чудотворецъ или Магометъ, страшно переколотилъ, какъ новый Сампсонъ,—всѣхъ татаръ этой деревни. Двое изъ нихъ едва не отправились къ гуріямъ.

Но странное вліяніе имѣлъ на него запои. Послѣ него Степанъ становился еще дѣятельнѣе и трудолюбивѣе, и у всѣхъ сосѣдей, гдѣ случалось ему что нибудь сдѣлать пьяному, непременно просилъ при случаѣ прощенья.

Съ этимъ-то человекомъ проводилъ я большую часть времени.

Милое время, дорогое воспоминанью. Время, свѣтлымъ рубежомъ лежащее между дѣтствомъ и юношествомъ. Время, въ которое чувствуешь во всемъ существѣ своемъ жгучую потребность дѣятельности порывистой, бурной. Ощущаешь

быстро накопляющуюся силу, которая съ избыткомъ ложится на сердце, на мозгъ и тяжело давить ихъ. Является необходимость поскорѣе истратить избытокъ ея. Отлить немного отъ краевъ этой полной чаши молодости.

III.

Да, милое время! Но, увы, недолго продолжалось оно!

Пришла трудная пора. Пора, въ которую смутно, но томительно чувствуешь, что во всемъ прежнемъ вдругъ начинается недоставать чего-то, что жгучее чувство, которое ощущаешь въ себѣ, болѣе уже не удовлетворяется.

— Это не то! этого мало! Надо нѣчто иное, чтобы заглушить этотъ невѣдомый дотолѣ огонекъ. А что надо?

Пришла пора эта, и смутила безоблачную дотолѣ жизнь. Носишься всюду съ горячей головой и ищешь неизвѣданнаго, и бѣжишь изъ дому, да подальше, въ горы. Туда, гдѣ вольнѣе дышится; туда, гдѣ мало людей.

Иногда, совершенно измученный, бросишься подъ тѣнь какого-нибудь широко-раскинувшагося дуба и пролежишь тутъ въ полусонномъ состояніи нѣсколько часовъ, уткнувшись въ душистую траву. Или, взявъ лодку, умчишься далеко отъ берега въ полное море, и здѣсь, подъ дивно голубымъ сводомъ южнаго неба, на изумрудной поверхности, среди торжественной тиши, которая царитъ до самаго зеленѣющаго берега, до самыхъ мохнатыхъ скалъ, фантастически отражающихся въ водѣ,—вдругъ станетъ невыразимо грустно и тяжело.

— Хорошо, вѣдь, здѣсь! подскажетъ сердце. Да, но это го мало,—шепчетъ тайный голосъ.

Вотъ и задумаешься, бросишь весла, опустишь горячую голову на руки и, убаюкиваемый тихимъ покачиваньемъ лодки, унесешься далеко, далеко мечтой!...

Куда только не перенесешься съ ней! Гдѣ не побываешь! Всюду ей путь! Нѣтъ предѣла этой вольной птицѣ; взмахнетъ она крыльями и носится вихремъ по всему Божьему міру.

Начнетъ что-то ложиться на грудь, давить ее. Тяжелодушно сдѣлается.

Трудная, почти болѣзненная пора! Время первой сердечной тревоги, когда бессознательно присутствуешь при неизбѣжныхъ похоронахъ своего дѣтства!...

Дѣдъ мой, замѣтивъ во мнѣ перемѣну, не зналъ чѣмъ только развлечь меня. Я чаще ходилъ въ Тегерджи къ Степану, и много рассказывалъ старику о красотѣ мѣстоположенія этой дачи. Дѣдъ однажды, ни слова не говоря, отправился куда-то верхомъ, а мнѣ велѣлъ дожидаться своего возвращенья.

— Собирайся и укладывайся, Воля. Мы переѣзжаемъ на другую дачу, сказалъ онъ, вернувшись.

— Куда же, дѣда?

— Недалеко, въ Тегерджи!..

Я былъ безъ ума отъ радости. Мы переѣхали на другой-же день.

Когда мы въѣзжали въ ворота густого сада этой дачи, оба верхомъ, какая-то бѣлая фигура вдругъ стрѣлой промчалась мимо насъ и пропала въ кустахъ. Лошадь моя испугалась и круто шарахнулась въ сторону. Я не усидѣлъ и свалился, но только слегка ушибъ ногу. Дѣдъ смутился и произнесъ нѣсколько измѣнившимся голосомъ:

— Воля! это предурная примѣта! Не на радость мы въѣзжаемъ сюда. Вернемся, Воля, на старую дачу.

Я пришелъ въ совершенное отчаянье отъ предложенія и громко протестовалъ.

— Ну, какъ хочешь. Мы проѣхали садъ и вошли въ домъ.

Тегерджи было извѣстно во всемъ околоткѣ красотой своего мѣстоположенія. Граціозно и уютно раскинулось оно своимъ садомъ и строениями вдоль небольшого залива, ограниченного съ одной стороны большой скалой въ два уступа, которая, выдаваясь мысомъ, защищаетъ его отъ полного моря, отъ часто сердитаго Чернаго моря. Къ этой скалѣ примыкаетъ небольшая гора, покрытая густою зеленью лавровъ, оливковъ и кипарисовъ, среди которыхъ на самой макушкѣ горы отчетливо врѣзывается въ небесную синеву небольшая, бѣлая часовня въ готическомъ стилѣ, съ золотымъ крестомъ, вѣчно-горящимъ въ лучахъ солнца. Внизу у подножія горы бѣлѣтся самый домъ, полузакрытый высокими тополями, между которыми кокетливо и граціозно лѣниво раскидала свои вѣтви огромная акація-мимоза. Немного влѣво отъ дома поднялось большое орѣховое дерево и при малѣйшемъ вѣтеркѣ шумитъ и ворчитъ, какъ обезпокоенный сердитый старикъ.

Близъ дома вѣчно журчащій фонтанъ, съ большимъ бас-

сейномъ, куда смотрятся по ночамъ луна и звѣзды. Вокругъ дома раскинулась вторая половина большого сада, ограниченная берегомъ моря. Безчисленныя дорожки разбѣгаются отъ террасы дома во всѣ стороны, извиваясь пробѣгаютъ садъ и взбираются по горѣ въ разныхъ направленіяхъ; у часовни онѣ снова соединяются въ одну большую дорожку, которая, описавъ полукругъ, приводитъ въ татарскую деревню, прилѣпившуюся къ другой небольшой горѣ, прямо противъ дачи.

На самомъ краю деревни между дорожкой, ведущей изъ сада, и большою пробѣжей дорогой, приткнулся къ какой-то древней Генуэзской развалинѣ небольшой деревянный домикъ въ южно-русскомъ вкусѣ, но съ плоской татарской крышей. Весь этотъ бѣлый, хорошенькій домикъ сверху до низу обвился густымъ плющомъ, который, окутавъ его бѣлыя стѣны, убѣгаетъ на развалину, обхватываетъ ее до самаго верхняго угла и, падая съ верхушки клубами, виситъ надъ пыльной дорогой, крючковато перевиваясь и перепутываясь въ воздухѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ переѣзда я собрался рано утромъ покороче познакомиться съ окрестностями новой дачи и направился къ часовнѣ, мимо которой лежалъ мой путь. Дорожка, по которой я шелъ между густолиственными кустами, вилась какъ змѣя, бросаясь то вправо, то влево, иногда же дѣлала такіе крутые повороты, огибая какое нибудь пыльное растеніе, что можно было легко столкнуться съ кѣмъ нибудь на углу.

Я шелъ медленно, не торопясь, заранѣе приберегая ноги на предстоявшій мнѣ путь, лихо повернулъ за одинъ изъ такихъ угловъ и... остановился, какъ истуканъ.

Легко касаясь земли, неслась ко мнѣ на встрѣчу стройная фигура молодой дѣвушки въ бѣломъ коротенькомъ платьѣ съ открытымъ, ради жары, воротомъ; небольшой лотокъ съ бѣльемъ, покачнувшись въ бокъ на ея головкѣ, слегка упирался на поднятую, граціозно выгнутую руку. Длинные, свѣтло-блѣкнущіе волосы золотистыми волнами набѣгали на разгорѣвшіяся щеки и, змѣйками рассыпаясь вокругъ красивой, слегка загорѣлой шеи, падали на маленькую голубую косынку, накиннутую на плечи. Большіе голубые глаза задумчиво были устремлены въ прозрачное небо, полуоткрытый ротъ говорилъ о далеко улетѣвшей мысли.